

УДК 167.1; 811.511.12

О. Н. Иванищева

Специфика методологического подхода к исследованию исчезающего языка коренного народа Севера

Статья посвящена исчезающему языку коренного народа Севера — саамов. Утверждается, что особенность видения мира этноса, отраженного в языке, и, как следствие, антропоцентрическую сущность этого языка определяет особый методологический подход. Отмечается, что в данном языковом материале принципиальными становятся вопросы разграничения научного и наивного знания о реалиях, определения реальных знаний информантов, изучение наивных толкований значений слов носителем языка.

Ключевые слова: методологический подход, языковая компетенция, кильдинский саамский язык.

O. N. Ivanishcheva. Specific Characteristics of the Methodological Approaches for Studying the Endangered Language of a Northern Ethnic Group

This article is dedicated to the endangered language of a Northern ethnic group, the Saami people. The article argues that reveals the ethnic group's specific world-view as reflected in its language, and, as a consequence, the anthropological nature of this language, is determinative of a particular methodology for studying the language. It is noted that in this linguistic material, it becomes essential to distinguish between scientific knowledge and naive/popular knowledge about real-world objects, to determine the actual knowledge of the informants, and to study the naive interpretations of word meanings provided by native speakers.

Keywords: methodology, linguistic competence, Kildin Saami language.

Актуальность статьи обусловлена важностью обращения к вопросу сохранения и систематизации знаний исчезающего языка и культуры северного этноса, а также усиливающейся антропоцентричностью исследовательских воззрений.

Антропоцентричность — универсальный принцип организации языковой картины мира, неотъемлемое, универсальное свойство языка. В основу данной работы положен такой принцип анализа материала, который означает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка, в первую очередь тех, которые объясняются системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности и с коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения (см. об этом [16, с. 9—11]).

При исследовании такого объекта как исчезающий язык, важно разграничивать антропоцентричность самого объекта исследования — языка — и антропоцентричный подход к этому объекту. Важно различать антропоцентричность самого объекта исследования — кильдинского саамского языка — и специфику антропоцентричного подхода к его исследованию.

Антропоцентрическая идея, возникшая в науке со времен античности, в лингвистике была обстоятельно изложена в трудах В. Гумбольдта и развивалась в русской науке в работах А. А. Потебни, Л. В. Щербы, Ю. Н. Караулова, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, В. М. Алпатовой и многих других. Такое внимание к идее антропоцентричности не случайно, так как «антропоцентризм обеспечил порядок и структуру для понимания людьми мира, хотя неизбежно выражал и пределы этого понимания» [22, с. 2].

Классическое определение антропоцентризма как характерной черты лингвистической науки дано Е. С. Кубряковой. Она утверждает, что обращение к сущностным характеристикам носителя языка — человека, интерес к человеку как центру вселенной и человеческим потребностям как определяющим разные типы человеческой деятельности обусловлено стремлением найти объяснение языковым феноменам, устройству языка. Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Антропоцентризм обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что человек вовлечен в этот анализ, определяя перспективу и конечные цели этого анализа. Антропоцентризм знаменует, иными словами, тенденцию поставить человека во главу уг-

ла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс [11, с. 212].

Показателем антропоцентричности языка является номинация значимых для человека реалий, их частей, особенностей их функционирования. Отсутствие названий для незначимых для человека реалий или их частей — довольно распространенное явление в разных языках. Например, русское слово *край* обозначает не всякую границу объекта, а только открытую: *край стакана* — это именно верхняя, но не нижняя (соприкасающаяся с дном) граница стенки стакана [15, с. 15]. Названия для нижнего края стакана в русском языке отсутствуют. Эта граница незначима для носителя русского языка и русской культуры.

Об особой антропоцентричности терминологии можно говорить, сравнивая научную и народную терминологию. Отмечая специфику антропоцентричности научной и народной биологической терминологии, А. Расницын отмечает, что антропоцентричность проявляется в том, что в характеристику объекта на равных основаниях включаются его собственные признаки (строение, внешний вид, поведение и т. д.) и все, что связано с ним для человека (вред и польза, особенно включая лекарственные и магические свойства, приметы, легенды и сказки, в которых растение или животное фигурируют) [14, с. 86]. Этот факт подтверждают и полевые лингвистические исследования. Антропоцентричность и прагматическое отношение к понятиям проявляются в ответах информантов во время полевых исследований: носителям языка важна не каталогизация явлений, а значение явлений для жизни и деятельности человека (см. [12, с. 55]).

Таким образом, исследование антропоцентричности самого объекта чрезвычайно важно, как и антропоцентричный подход к самому объекту.

Антропоцентризм как подход к исследованию означает путь, согласно которому научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека. В. М. Алпатов подчеркивает недостаток антропоцентричного подхода, отмечая, что при антропоцентричном подходе нет процедур проверки результатов, а значит, применение этого подхода к языкам, далеким от родного языка лингвиста, может привести к неадекватным результатам [1, с. 18—25]. В связи с этим важно определить специфику антропоцентричного подхода к языку корен-

ного малочисленного народа Севера, носителей которого становится все меньше. В данной статье предлагается новый взгляд на антропоцентричный подход к исследованию языка. Этот подход основывается на исследовании коммуникативно-ситуативного характера функционирования языка. Процесс исчезновения языка тесно связан с его социолингвистической ситуацией.

В данной статье материалом исследования является кильдинский саамский язык. Кильдинский саамский язык принадлежит финно-угорской ветви уральской семьи языков и в настоящее время уже относится к категории *critically endangered*. Саамы России (кольские саамы) в основном проживают на территории Кольского полуострова, где находится административное образование Мурманская область. Их численность составляет 1771 человек. Носителей кильдинского саамского языка насчитывается не более 300 человек (см., например: [25]). Бытовые функции, выполняемые кильдинским саамским языком, отсутствие мотивации к изучению кильдинского саамского языка у саамской молодежи по сравнению с интересом норвежской и российской саамской молодежи к изучению языка норвежских саамов (северо-саамского), старение носителей кильдинского саамского языка способствуют ухудшению его положения. Вместе с языком как одним из хранителей культуры саамов можно утратить и знания об этой культуре. Одним из путей сохранения языка является его ревитализация. Для решения проблемы ревитализации языка важно знать современное состояние исчезающего языка, в том числе какие признаки реалии активизированы в сознании носителя языка, а какие потеряны.

С нашей точки зрения, специфика методологического подхода к исследованию исчезающего языка коренного народа Севера может быть обнаружена в рамках так называемой народной лингвистики (см., например об этом: [13]), которая изучает соотношение «наивноязыковой» и «научной» картин мира, сравнение позиции носителя языка и лингвиста, исследующего язык, представление значения слова с учетом языковой компетенции носителя языка.

Обращаясь к методологическим проблемам, то есть к проблемам, связанным с процессом исследования исчезающего языка, необходимо прежде всего обозначить цель такого исследования. По мнению У. Мозеля, цель словаря исчезающего языка не перевод или

изучение языка, а его описание с целью ревитализации и научного исследования [24]. В полевых исследованиях в процессе сбора языкового материала кильдинского саамского языка обнаружилось особенности методологического подхода к исследованию лексической системы данного языка.

Во-первых, это проблема языковой компетенции носителя кильдинского саамского языка, обнаруживающая реальные знания информантов, влияющие на их способность продуцировать осмысленные предложения.

В ситуации отсутствия живой разговорной среды и условий для использования языка в личной и общественной жизни преклонный возраст активных носителей языка, отрыв носителей языка от среды обитания языка — материальной и духовной культуры — естественно обращение к когнитивной, а не коммуникативной сущности фоновых знаний у носителей кильдинского саамского языка. Поэтому типичные способы выявления фоновых знаний носителя языка (опрос носителей, анализ словарных статей разных типов словарей и текстов художественной и публицистической литературы) не могут быть использованы в полной мере. В такой ситуации исследователю следует фиксировать все знания носителя языка, не различая личное и социальное. Носитель языка, который может быть информантом, рассказывая о своем личном опыте, представляет типичное и обычное, потому что социальная среда, в которой информант вырос, фиксировала только такое знание.

Наши полевые исследования саамского языка показали, насколько разными могут быть знания о реалии у носителей кильдинского саамского языка. При сравнительном анализе данных полевых исследований и словарей кильдинского саамского языка отмечают, например, некоторые расхождения в возрастных границах, которые определяют наименование оленя. Ср.: *лукхель* — ‘годовалый теленок оленя’ [9, с. 54]; ‘полугодовалый теленок оленя’ [ГП; ГТ]. Причины таких расхождений объяснить пока не представляется возможным.

Во-вторых, при рассмотрении специфики методологического подхода к исследованию лексической системы исчезающего языка необходимо учитывать общую для всех языков проблему разграничения научного и наивного знания о реалиях, а значит, разграничения «наивноязыковой» и «научной» картин мира.

Так, названия рыб определенных видов в нашем языковом материале отличаются многообразием и несоблюдением границ научной терминологии. Подчас одно и то же название обозначает разные виды / подвиды рыб. Такое несоответствие научной и бытовой терминологии отмечается для обозначения рыб семейства лососевых в кильдинском саамском языке: название рыбы *мёвв шáбп* — ‘ряпушка (*Coregonus albula*)’ — буквально переводится как ‘мелкий сиг (*Coregonus lavaretus*)’ [6, с. 21—22]. Отмечены «сбои» в народной терминологии озёрных и речных рыб в кильдинском саамском языке: например, не различаются подвиды ‘ручьевая (речная) форель’ и ‘озерная форель’. См.: кумжа (ручьевая форель) — *куввч, кўввч* [4, с. 114; 17, с. 128], хотя по данным информантов такое различие реалий происходит: *коалльм* ‘кумжа в озере Сейдозеро’ и *югк куввч* ‘речная кумжа’ [18, с. 161].

Анализ тематической группы «Рельеф» показал различие между имеющимися в науке орографическими терминами и названиями географических объектов в кильдинском саамском языке. В отличие от научных терминов лексика группы «Рельеф» кильдинского саамского языка не сосредоточена на актуализации высоты географических реалий, характеристики его вершин и склонов. Ядром представлений реалий в кильдинском саамском языке является соотношение «выше, чем» / «ниже, чем». Ср. данные наших полевых исследований: *шарий* — ‘гора среднего размера, ниже, чем уррыт, но выше пака’ [ЛГ]. При этом понятие «высота» смещено: ‘большие горы (как Ловозерские)’ [ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ]; ‘невысокая покатая горка, с которой можно прокатиться на оленьей упряжке’ [ЛГ].

В-третьих, при рассмотрении специфики методологического подхода к исследованию исчезающего языка необходимо учитывать позиции носителя языка и лингвиста, исследующего язык. В данной статье мы считаем необходимым указать на такой аспект заявленной проблемы, как наивные толкования значений слов носителем языка. Исследователи считают, что материал такого типа может быть более объективным, чем индивидуальная компетенция профессионального составителя словаря, который предлагает традиционные толкования [13, с. 141]. Данные информантов обнаруживают несовпадения в толкованиях значений слов в словарях и в опыте носителей. Так, значение слова *тarrьв* представлено в словарях как ‘смола’ [17,

с. 345], а информант толкует это слово как 'смола, которую специально выгоняют, чтобы смолить лодки или обувь' [ЛГ]. Слово *рыссе* согласно словарю означает 'ветка, прут' [4, с. 261], а по данным информанта это 'растущая ветвь, но без листьев' [ЛГ]. Наивные толкования должны быть объектом специального исследования, так как составляют важную часть лексикографической работы.

Важный аспект рассмотрения позиции лингвиста — это квалификация исследователя. Например, интерес к географической лексике языков кольских саамов был характерен и для мурманских краеведов 1930-х гг. — В. К. Алымова и В. В. Чарнолуцкого. Этот интерес был обусловлен важностью освоения северной территории, имеющей стратегическое значение для государства. В 1930 г. антрополого-этнографическим отрядом была проведена Кольская экспедиция, в состав которой в качестве этнографа входил В. В. Чарнолуцкий. Он предложил составление специальной этнографической карты Восточной части Кольского полуострова. Методом исследования являлось установление взаимоотношений между географической и биогеографической средой и биоформой хозяйства, сложившейся в силу этих взаимоотношений, и выявление характера подвижности народа [20, с. 3]. Эту работу было решено проводить в рамках изучения проблемы нomaдизма, которая, по мнению ученого, решалась в то время односторонне. Необходимо, по мнению В. В. Чарнолуцкого, применить метод антропогеографии. Изучение сущности нomaдизма (в плане антропогеографическом) нескольких народностей, непосредственно не соприкасающихся между собой, но обитающих в одной географической среде, дает возможность объяснить тождество некоторых явлений культуры (жилище, некоторые формы хозяйства и т. д.) и в то же время подчеркнуть особенности культуры, свойственные данной этнической единице. Географическое описание района должно носить характер широкого обобщающего описания территории и фиксации основных элементов ландшафта, играющих ту или иную роль в оленеводстве, рыболовстве внутренних водоемов и в охотничьем промысле [21].

Осмысление опыта краеведов и этнографов 1930-х гг., периода освоения огромных северных территорий России, по отношению к коренному народу чрезвычайно актуально для современного этапа развития науки, особенно если учесть, что часть архивных матери-

алов утеряна, а некоторые участники «великих событий» репрессированы.

Мы изучали неопубликованные архивные материалы 1930-х гг. из фонда Мурманского областного краеведческого музея, в первую очередь работы Василия Кондратьевича Алымова — краеведа, одного из создателей Мурманского окружного (ныне — областного) краеведческого музея. В. К. Алымов организовал Мурманское общество краеведения, занимался экономикой, статистикой, историей, этнографией, демографией, исследовал археологические находки, изучал быт местных жителей, собирал саамский фольклор. В 1928—1930 гг. он возглавлял Мурманский Комитет Севера, а в конце 1930-х гг. был директором Мурманского окружного краеведческого музея. В феврале 1938 года В. К. Алымов был арестован, осужден за попытку создания «Саамской республики» и расстрелян в Левашовской пустоши, а 4 мая 1957 г. реабилитирован. В. К. Алымов — автор многочисленных публикаций, главным образом о кольских саамах и их занятиях.

Языковой материал, представленный в статьях В. К. Алымова [2; 3], дает основания для сравнения его лингвистических данных с данными словарей кильдинского саамского языка и других этнографических источников и позволяет пояснить некоторые позиции для современных исследователей кильдинского саамского языка.

В первую очередь необходимо отметить указание на разнообразие лексем, обозначающих реалии водного и горного ландшафтов. В. К. Алымов пишет о богатстве и разнообразии физико-географических терминов, о наличии определений общих и частных. Г. М. Керт отмечает, что «в зависимости от конфигурации, наличия растительности, высоты и других признаков существует свыше тридцати названий гор», и приводит некоторые из них [8, с. 22], ссылаясь на словарь Т. Итконена [23].

Замечание В. К. Алымова об отсутствии общего названия «гора» [2, с. 10б] подтверждается анализом имеющего в нашем распоряжении языкового материала (см.: [6]). Слово «гора» представлено в толковании лексического значения многих лексем, но всегда в ряду других (уменьшительных форм, видовых названий, в составе словосочетаний с определением): *vïrr* 'невысокая гора, круча' [4, с. 37]; 'невысокая гора, холм' [17, с. 45]; 'гора, круча' [7, с. 18], *virrr* 'лесная горка, «варака»' [5, с. 124], *virp* 'невысокая горка' [ЛГ], *virr* 'склон, хребет'

[10, с. 123], *луэххк* 'небольшая гора, горка' [4, с. 154; 7, с. 53]; *луэһк* 'горка' [17, с. 170]; *пāххк* 'гора тундровая; тундра' [4, с. 216]; *пāһкк* '[тундровая] гора' [17, с. 244]; *пāххк* 'гора' [7, с. 71]; *пāххкк*, *паххкк* 'гора' [9, с. 54]; *паххкк* 'поросшая растительностью гора' [ЛГ]; *пāххкк* 'гора, меньше «уррьт»' [ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ]; 'локализованное место на горе' [РР]; 'гора, покрытая растительностью' [КА]; *пāгкка* (ум.-ласк.) 'горка тундровая' [4, с. 209]; *пакка* (ум.-ласк.) 'небольшая гора' [5, с. 124; ЛГ]; *пāгккэнч* 'горка тундровая' [4, с. 209]; *пāккэнч* '[тундровая] сопка' [17, с. 244]; 'горочка' [РР]; 'горушка' [КА]; *пака* 'невысокая, отдельно стоящая гора, покрытая растительностью' [ЛГ]; *пака* 'маленькая сопка' [ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ]; 'маленькая горочка' [РР]; 'небольшая горка' [КА]; *раакки* 'высокая земля' [10, с. 122]; *пāррнэ уйнсэнн чофта эллес пакка* 'дети увидели очень высокую горку' [4, с. 209]; *чйгар ялл пакка альн* 'стадо пасётся на сопке' [17, с. 244]; *шўрр пāххкк* 'большая гора' [4, с. 20]; *тёрррм* 'гора, горушка, холм' [4, с. 296]; 'горка, возвышенность' [17, с. 349]; 'гора, горушка, холм' [7, с. 92]; 'невысокая покатая горка, с которой можно прокатиться на оленьей упряжке' [ЛГ]; *тьерм* 'горка, холмик, пригорок, обрыв' [5, с. 124]; *тиемп* 'горушка, обрыв' [10, с. 123]; *тўндар* 'тундра' [4, с. 311; 7, с. 98]; *tūndar*, *tūndar* 'лопарская гора (большая)' [23, с. 613]; *чāрр* 'тундра' [4, с. 336]; *чāрр* 'тундра' [17, с. 387]; *пāльяс чāрр* 'голая тундра' [17, с. 387]; *тундр*, *тундар* '1) возвышенность, выходящая за пределы лесной растительности; 2) горный массив' [5, с. 124]; *тундренч* 'тундрица, горка' [5, с. 124]; *tsharr* 'гора ягельная' [10, с. 123]; *уррьт* 'гора скалистая, гора высокая' [4, с. 325]; 'скалистая гора' [17, с. 373]; высокая скалистая гора, лишённая растительности, часто располагающаяся у берега моря [ЛГ]; 'большие горы (как Ловозерские)' [ЗЕ; ЗН; ГП; ГТ]; *urrD* 'большая скалистая гора' [19, с. 28]; *Луяввьр уррьт* 'Ловозёрские горы' [4, с. 325]; *ортенч*, *орденч* 'уменьш. от урт' [ГС: 124]; *шаррьй* 'гора (невысокая)' [4, с. 351; 7, с. 110]; *шарий*, *шоарий* 'гора среднего размера, ниже, чем уррьт, но выше пака' [ЛГ]; *куедшккаш* 'гора, покрытая сошной' [10, с. 122]; *вāγγ^е* 'гора, лесистая гора, сопка, покрытая лесом' [23, с. 721]; *варрь* 'у русских «варака» — холм, покрытый лесом; гора, покрытая лесом' [5, с. 124]; *варрь* — общее название леса; *вāррь* — лес [РР]; *варрь* — лес (носитель языка дополняет, что помимо всего прочего в других диалектах саамского языка (в северо-саамском, колтта и инари диалектах) это слово означает «гора») [КА]; *варенч*

(уменьш.) от *варанч* ‘горка, покрытая лесом’ [5. с. 124]; *нёллькесь пāкь* ‘плоские горы’ [17. с. 210]; *ра̀х̄те́* ‘гористый рельеф (сопки) на побережье, в отличие от хвойного леса’ [23. с. 416].

Обращение к субъектам исследования (информант и лингвист) позволило определить специфику методологического подхода к исследованию кильдинского саамского языка. Рассмотрение объекта с точек зрения этих субъектов дает возможность увидеть иной путь исследования — рассмотрение факта языка с точки зрения языковой компетенции носителя языка. Наше исследование показало, что в данном языковом материале принципиальными становятся вопросы разграничения научного и наивного знания о реалиях, определения реальных знаний информантов, влияющих на их способность продуцировать осмысленные предложения, а также изучение наивных толкований значений слов носителем языка.

Сокращения

- ГП — Галкин Пётр Алексеевич (1928 г. р.)
 ГТ — Галкина Татьяна Гавриловна (1936 г. р.)
 ЗЕ — Захаров Евдоким Кузьмич (1956 г. р.)
 ЗН — Золотухина Надежда Анатольевна (1960 г. р.)
 КА — Кобелев Александр Андреевич (1968 г. р.)
 КП — книга поступлений
 ЛГ — Лукин Геннадий Петрович (1949 г. р.)
 МОМ — Мурманский областной музей
 НВ — научно-вспомогательный фонд
 РР — Рахманина Роза Михайловна (1966 г. р.)

* * *

1. Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15—26.
2. Алымов В. К. О географических названиях на Кольском полуострове. МОМ КП 15815/9. 1935а. Л. 1—11.
3. Алымов В. К. Краткий словарь саамских физико-географических терминов, встречающихся на Кольском полуострове. МОМ КП 15815/7. 1935б. Л. 14—18.
4. Антонова А. А. Саамско-русский словарь. Мурманск: ЛЕМА, 2014. 376 с.

5. Географический словарь Кольского полуострова: в 3 т. Л., 1939. Т. 1. 1939. 145 с.

6. Иванищева О. Н. Материалы к словарю кильдинского саамского языка. Ч. 1: Рыбы. Вода. Рельеф. Мурманск: МАГУ, 2016. 51 с.

7. Керт Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский. Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1986. 247 с.

8. Керт Г. М. Словарь лексики (компонентов) саамской топонимии Кольского полуострова // Материалы XXX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 27: Секция уралистики. СПб., 2001. С. 19—27.

9. Керт Г. М. Саамский язык // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 49—57.

10. Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 179 с.

11. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Рос. гос. гуманитар, ун-т, 1995. С. 144—238.

12. Мызникова Я. В. Причины коммуникативных неудач в процессе полевого сбора лексического материала // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 53—56.

13. Научная жизнь: Конференция «“Народная лингвистика”: взгляд носителей языка на язык» // Вопросы языкознания. 2013. № 5. С. 136—144.

14. Расницын А. П. Систематика — народная и научная // Природа. 2013. № 4. С. 86—90.

15. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

16. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.

17. Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева [и др.]; под ред. Р. Д. Куруч. М.: Русский язык, 1985. 568 с.

18. Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / авт-сост. О. Н. Иванищева, А. М. Эрштадт. Мурманск: МГГУ, 2014. 249 с.

19. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков [сост. А. П. Баранцева и др.]; под общ.

ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 343 с.

20. Чарнолуский В. В. Отчет этнографа антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции Академии Наук СССР об обработке материалов по быту лопарей с начала работы экспедиции по 1 марта 1930. MOM НВ 3570/59. 1930а.

21. Чарнолуский В. В. Заявление в Комиссию Академии Наук СССР по изучению племенного состава СССР // MOM. НВ 3570/59. 1930б.

22. Boddic R. Introduction. The End of Anthropocentrism // Anthropocentrism : human, animals, environments. Leiden-Boston : Brill, 2011. Pp. 1—18.

23. Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja I. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XV. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1958. 803 p.

24. Mosel U. Lexicography in endangered language communities // The Cambridge handbook of endangered languages / P. K. Austin & J. Sallabank (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Pp. 337—353

25. Rießler M. Grammatical borrowing in Kildin Saami // Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective. Berlin : Mouton de Gruyter, 2007. Pp. 229—244.